
Влияние денежной реформы 1654–1663 годов на систему профессиональной ямской гоньбы в Западной Сибири

Олег Семёнов

Необходимость управления отдалёнными и обширными сибирскими территориями требовала от администрации Московского государства установления качественной связи с ними. Поэтому в конце XVI – первой трети XVII в. «за Камнем» учреждаются Верхотурский, Туринский, Тюменский, Демьянский и Самаровский ямы. Они сыграли заметную роль в деле интеграции региона в состав Московской Руси и в его последующем освоении. В исторической науке, однако, система профессиональной ямской гоньбы изучена слабо. Не исследованным остаётся вопрос о характере правительственной политики по отношению к ямщикам, в том числе в один из самых сложных периодов XVII в. – в эпоху денежной реформы царя Алексея Михайловича.

Реформирование денежной системы страны началось в 1654 г., когда правительство приступило к чеканке крупных номиналов серебряной монеты – рубля («ефимок рублевый», рублевик) и полуполтины (четверть). Рублевики чеканились на талерах, с которых сбивались изображения, а полуполтины – на разрубленных на четыре части талерах. Первые по весу соответствовали 64 серебряным копейкам, однако были приравнены к 100 копейкам. Впрочем, население принимало новые деньги неохотно. К тому же при производстве новой монеты власти столкнулись с трудностями технического характера. Вскоре рублевики и полуполтины перестали выпускать и в 1655 г. ввели в оборот полноценный крупный номинал – «ефимок с признаком» (талер с выбитыми на нём копеечным штемпелем и клеймом с цифрами 1655, официально приравненный по ценности к 64 серебряным копейкам). С осени того же года началась чеканка медных копейки и денги, по виду, технике и весу идентичных прежним серебряным монетам и по курсу приравненных к ним¹. Любопытно, что недовольство денежными знаками из дешёвого сырья проявилось не сразу. Первоначально население использовало их довольно охотно, и лишь с 1658 г., ввиду неумеренного производства, началось стремительное падение покупательной способности медной монеты².

К началу проведения денежной реформы сибирские ямщики находились в довольно сложном положении. Отчасти это объясняется ростом интенсивности гоньбы, обусловленным процессом дальнейшего освоения края, и многочисленными злоупотреблениями со стороны проезжающих и представителей местной администрации. Следует учитывать также большую протяжённость путей, значительность вызванного серьёзными перегрузками и суровыми природными

© 2014 г. О.В. Семёнов

¹ Медные полтинник, алтын, грошевик и, возможно, полуполтинник и гривенник начали чеканить ещё в 1654 г.

² Мельникова А. С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. М., 1989. С. 199–201; она же. Некоторые аспекты изучения денежной реформы 1654–1663 гг. // Денежные реформы в России: история и современность. М., 2004. С. 32–33; она же. Очерки по истории русского денежного обращения XVI–XVII вв. М., 2005. С. 252, 254, 267–270, 310–314.

условиями конского падежа. Ямщики были обязаны «ежегод беспереводно» содержать за свой счёт собак с нартами и лошадёй с саями, телегами, сёдлами и прочей «гонёбной рухлядью», а для водного пути – «всякие суды» с «судовою снастью». Ямских охотников привлекали к несению многочисленных повинностей (расчистке и поддержанию в рабочем состоянии дорог, государственному «судовому делу», строительству казённых мельниц, городовым «поделкам», несению в «сполошное время» караульной службы)³. На них распространялись также общегосударственные налоги («пятая» и «десятая» денги)⁴. Сибирские ямщики были лишены такого характерного для их коллег в европейской части страны источника доходов, как прогоны. Ямские охотники составляли особую группу населения, близкую к приборным служилым людям (или занимавшую промежуточное положение между ними и тяглецами). За отправление своих обязанностей им выплачивалось денежное и натуральное жалованье из казны. Впрочем, фактически сразу же насельники всех сибирских ямов (за исключением Самаровского) были лишены хлебного обеспечения и переведены на менее выгодную для них службу «с пашни». Что касается денежного жалованья, то его постоянно не хватало, и выплачивалось оно нерегулярно. К примеру, туринские ямщики получили половину причитавшихся им за 1654/55 г. окладов только в 1656 г. К этому времени они находились настолько в плачевном состоянии, что воевода М.М. Мусин-Пушкин вынужден был признать, что «вперёд» они гонять не смогут, поскольку у них «лошадёй нет и купити им нечем и не на што»⁵. Вдобавок, ввиду нехватки наличных средств, часть денежных выплат могли заменять сукнами, пушшиной «худого» и «среднего» качества, которые, вследствие отсутствия на них в Сибири особого спроса, ямщики сбывали за бесценок⁶.

В первые годы реформы хождение медной монеты за пределами Уральско-го хребта было запрещено⁷. Однако уже тогда сибирские ямщики столкнулись с определёнными трудностями, вызванными экономическими мероприятиями властей. В начале 1657 г. в Москву прибыли самаровские ямские челобитчики И. Хабаров и Ф. Арефьев, которым на текущий 1656/57 г. на весь ям было выдано денежное жалованье – «половину мелкими денгами (“проволочной” серебряной монетой. – О.С.), другую половину – тарелми серебряными». Под последними подразумевались либо рублевики 1654 г., либо «ефимки с признаками»⁸. Испытывая сложности со сбытом не пользовавшейся у населения доверием новой монеты, челобитчики просили выдать им особую грамоту, «чтоб

³ РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 94, л. 191–192, 347; стб. 263, л. 155; стб. 354, л. 243; стб. 593, л. 6; стб. 1260, л. 292; ф. 1111, оп. 1, стб. 86, л. 19; оп. 2, стб. 122, л. 94; Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII в. Вып. 2. М., 1982. С. 197, 238; Прибыльные дела сибирских воевод и таможенных голов XVII – начала XVIII в. Новосибирск, 2000. С. 74.

⁴ РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 585, л. 63–63 об.; оп. 3, стб. 731, л. 32, 40; ф. 1111, оп. 2, стб. 285, л. 36; Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник, кп. 12830, л. 56.

⁵ РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 499, л. 141–142, 144, 145–146.

⁶ Там же, стб. 712, л. 32; стб. 884, л. 419–420, 421; стб. 900, л. 255; стб. 936, л. 409; стб. 959, л. 170; стб. 990, л. 119; оп. 4, стб. 94, л. 44.

⁷ ПСЗ-1. Т. 1. СПб., 1830. С. 421–422.

⁸ В декабре 1656 г. из Сибирского приказа в приказ Большой казны была отправлена крупная партия монеты, среди которой находилось 11 «ефимков серебряных печатных – по рублю ефимок» (РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 506, л. 59). Это опровергает предположение И.Г. Спасского о том, что с началом чеканки «ефимков с признаками» рублевики 1654 г. были приравнены к 64 серебряным копейкам (Спасский И.Г. Денежное хозяйство Русского государства в середине XVII в. и реформы 1654–1663 гг. // Археографический ежегодник за 1959 г. М., 1960. С. 137).

у нас, холопей твоих, за долги те тарели брали и в Тоболске бы твоей государевы казны не задержали»⁹.

Обращение медной монеты «за Камнем» официально было разрешено с конца 1650-х гг. Согласно Сибирскому летописному своду, «167-го (1658/59. – *О.С.*) году прислана в Сибирь государева казна медные деньги, преж на Тюмень, а в Тоболск привезли того же году и в понизовые города. И торговали в Сибири медными денгами четыре года по 171-й (1663. – *О.С.*) год по июль месяц по 1 число»¹⁰. В условиях охватившего страну экономического и финансового кризиса эта мера имела для «далёкой государевой отчины» плачевные последствия. По сообщению воевод кн. И.А. Хилкова «с товарищи» (январь 1662 г.), «ведомо учинилось... что приезжают на Верхотурье из русских городов и с Чюсовые всякие люди, а с собою привозят многие медные денги и с теми-де медными денгами ездят с Верхотурья в верхотурские слободы и меняют на те денги у крестьян серебряные денги» по курсу 2:1. От этого «умножилось во всех верхотурских слободах медные денги», отчего «хлеб вздорожал»¹¹. В том же Тобольске в 1661/62 г. «был... хлеб дорог. Купили мирскую четверть ржи в 20 пуд в 20 рублей на медные денги»¹². Вместе с ростом цен на продовольствие дорожали и прочие товары. В 1661/62 г. власти выражали обеспокоенность тем, что из европейской части страны в Тобольск, «Тоболского розряду в города» и ясачные волости приезжают «торговые всяких чинов люди» с медными денгами, на которые выменивают у местного населения серебряную монету («дают на серебряные денги медяных вдвое и болши»), а также скупают пушнину и товары. Всё приобретённое они «вывозят с собою к Руси», отчего «в Тоболску и во всех сибирских городех у торговых людей всякие товары вздорожали», а сибиряне вынуждены приобретать «про свою нужу всякие товары самую болшую дорогою ценою – перед прежним вчетверо и болши, да и купить-де товаров не добудут». От этого «всяких чинов люди задолжали и обнищали»¹³.

Исследователи уже обращали внимание на то, в каком тяжёлом положении с конца 1650-х гг. находились служилые люди сибирских городов и острогов¹⁴. В аналогичной ситуации оказались и ямщики, которым стали выплачивать жалованье обесценивающейся медной монетой. Одними из первых тревогу забили жители Тюменского яма. В июне 1659 г. вместе со «служилыми всяких чинов людми», ружниками и оброчниками, они указывали на то, что во время поездок «для государевых... и для своих дел» в соседние Туринский и Верхотурский уезды им на новые деньги «хлеба и иных каких запасов» не продают¹⁵. В том же году ямщики составили челобитную, в которой подчёркивали, что вы-

⁹ РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 561, л. 121.

¹⁰ Сибирский летописный свод // ПСРЛ. Т. 36. Ч. 1. М., 1987. С. 205.

¹¹ РГАДА, ф. 1111, оп. 1, стб. 284, л. 34; *Шишонко В.Н.* Пермская летопись с 1263 по 1881 г. Период третий (1645–1676 гг.). Пермь, 1884. С. 759.

¹² Сибирский летописный свод. С. 205.

¹³ Архив Санкт-Петербургского института истории РАН (далее – Архив СПб ИИ РАН), ф. 28, оп. 1, стб. 979, л. 8–9; Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 4. СПб., 1842. С. 327; см. также: Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею (далее – ДАИ). Т. 4. СПб., 1851. С. 276; *Базилевич К.В.* Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М.; Л., 1936. С. 75–77.

¹⁴ См.: *Дмитриев А.В.* Войска «нового строя» в Сибири во второй половине XVII века. Новосибирск, 2008. С. 84; *Никитин Н.И.* Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988. С. 139, 140.

¹⁵ Архив СПб ИИ РАН, ф. 28, оп. 1, стб. 780, л. 1–2.

нуждены гонять «зимой и летом безпрестанно с великими нужами», нанимая подводы «дорогою ценою – рубля по четыре и по пяти и болши». Для речных перевозок они ежегодно приобретали «суды дорогою ценою», поскольку те «на дорогах замерзают и весною льдом ломает без остатку». Одновременно ямщики жаловались на многочисленные злоупотребления со стороны воевод (которые прописывали в подорожных большее, чем положено, количество подвод), проезжих людей (перевозивших на ямских лошадях «клади болшие») и «выдельщиков» (облагавших натуральным оброком их «окладные» пашни). Подытоживая свою челобитную утверждением о том, будто их ям «Верхотурского яму тяжеле и розгонами болши», тюменцы просили увеличить оклады денежного обеспечения «против верхотурских ямских охотников» и наделить их пашнями соответствующих размеров.

Принимая во внимание бедственное положение ямщиков и будучи заинтересованными в бесперебойном функционировании системы связи, власти пошли на уступки. Царской грамотой от 30 ноября 1659 г. тюменскому воеводе А.В. Кафтыреву предписывалось выдавать ямщикам «для их бедности и конского падежа и для болших розгонов» по 23 руб. (вместо 20) на каждую выть. Новые оклады были выплачены медной монетой уже на 1659/60 г.¹⁶

Вслед за тюменцами правительственных уступок стали добиваться жители других западносибирских ямов. В 1660 г. туринские ямщики во главе со старостой М. Ушаковым подали челобитную. В ней они отмечали, что гоняют по нескольким направлениям (до Верхотурья, Тюмени, Пелыма, «в степь», к слободам и в инородческие юрты), причём даже «по самому последнему пути весною», арендуя подводы по дорогой цене (по 4 рубля и более). Жалованья им не хватает, из-за чего они «оскудели и обдолжали великими долгами», а многие из них «розбрелися врознь». В заключение ямщики просили «сверстать» их окладами с населением соседних Верхотурского и Тюменского ямов. Царская грамота от 20 ноября 1660 г. извещала туринского воеводу кн. И.И. Мещерского об увеличении ямских окладов с 20 до 23 руб. на пай, которые стали выплачивать медными деньгами начиная с текущего 1660/61 г.¹⁷

Пожалуй, наиболее заинтересованными в правительственных послаблениях были самаровские ямщики, поскольку местность, в которой они проживали, считалась непригодной для земледелия. В начале 1661 г. в Москве они подали челобитную с просьбой об увеличении окладов денежного жалованья. При этом ямщики подчёркивали, что гоняют по трём направлениям (до Сургута, Сухоруковых юрт и Демьянского яма) «второе и вчетверо больше» соседних демьянцев, нанимая подводы по дорогой цене и осуществляя «судовую поделку». Желание улучшить собственное положение за счёт ближайших соседей стало для самаровцев к этому времени своеобразной традицией¹⁸. Тем не менее центральные власти признали обоснованность этих жалоб. Грамотой от 15 марта 1661 г. тобольским властям сообщалось об увеличении размеров жалованья самаровских ямских охотников «для их бедности и болших розгонов»

¹⁶ РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 593, л. 30–34, 51–52; стб. 817, л. 312; стб. 990, л. 113, 114; ДАИ. Т. 4. С. 183–185. В источниках содержится указание на то, что в 1662/63 г. по царскому указу размер жалованья тюменских ямщиков был увеличен в два раза и достиг 46 руб. на пай. Трудно сказать, насколько это соответствовало действительности: в 1663/64 г. объёмы обеспечения ямщиков находились на прежнем уровне (РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 450, л. 261 об.–262).

¹⁷ РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 593, л. 59–60, 69, 74; стб. 818, л. 526; ДАИ. Т. 4. С. 228–229.

¹⁸ Семёнов О.В. Демьянские против самаровских // Родина. 2012. № 7. С. 88–90.

«против тюменских и туринских» ямщиков с 20 до 23 руб. на пай. Его начали выплачивать медной монетой с 1660/61 г.¹⁹

Наконец, в начале 1662 г. свою челобитную подали и насельники Демьянского яма. В ней ямщики отмечали, что осуществляют перевозки до Тобольска и Самаровского яма, не получая хлебного обеспечения. Предоставленные вместо него земли к этому времени «выпахались – хлеб родитца не стал», а новые прибрать негде, поскольку «прилегли мокрыя места и болота глубокие». Из-за «хлебного недороду» ямщики вынуждены были покупать в Тобольске хлеб «дорогою ценою», отчего «задолжали и обнищали». Кроме того, их привлекали к «городовой поделке» и обязанности доставлять в разрядный центр «с юрового с нижево плеса... государеву рыбу по вся годы четвертую долю». Челобитчики просили пожаловать их «прибавочным жалованьем денежным или хлебным... против иных стройных сибирских ямов», дабы им, «живучи на далном пустом месте... голодною смертию не померети» и от гоньбы «не отбыть». Грамотой от 11 марта 1662 г. тобольским воеводам кн. И.А. Хилкову «с товарищи» предписывалось «учинить» демьянцам денежный оклад «против тюменских, туринских, самаровских ямских охотников» в размере 23 руб. на пай. Увеличенные оклады были выданы им медной монетой уже на 1661/62 г.²⁰

Наибольших прибавок к жалованью в середине XVII в. добились ямщики старейшего за пределами Уральского хребта Верхотурского яма. Благодаря тому, что Верхотурье играло роль «ворот в Сибирь», он считался важнейшим в крае, а гоньба его жителей оставалась одной из самых напряжённых²¹. Ещё в августе 1653 г. оклады верхотурских ямщиков были увеличены до 25 руб. на пай. Осуществляя прибавку, власти подчёркивали, что «иным сибирским ямом то не в пример и не в образец, потому что верхотурских ямских охотников гонба иных ямов розгоном болши и волоковая нужная»²². В 1659 г., в условиях экономического кризиса, верхотурцы составили челобитную, в которой отмечали, что гоняют «на многие дороги» (к Соликамску, Пелыму, Туринскому острогу, в ясачные волости, к слободам и деревням), вынуждены арендовать подводы по дорогой цене и нести «из-за великого правезу по вся годы» повинность по строительству казённых судов. Существующих же окладов обеспечения им и «на год не ставает». От подобных тягот часть ямщиков разбежалась, а оставшиеся «оскудали и одолжали великими долгами неокупными». Поэтому челобитчики просили увеличить размеры жалованья и «на Верхотурье вновь вытей прибавить». В ответ Москва предоставила воеводе кн. И.А. Хилкову «с товарищи» широкие полномочия: осуществить сыск, по итогам которого власти должны были принять такое решение, «чтобы верхотурских ямских охотников нам, великому государю, вперед челобитья не было». В ходе расследования основная часть жалоб подтвердилась. Сделав вывод о том, что верхотурские ямщики «перед туринскими и перед тюменскими» гоняют «з болшею прибавкою и подводы наймут дорогою ценою мало не вдвое», тобольские администраторы распорядились увеличить с 1660/61 г. их оклады до 28 руб. на пай²³.

¹⁹ РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 632, л. 187–188; ДАИ. Т. 4. С. 236–237; Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. М., 2000. С. 634–635.

²⁰ РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 593, л. 79–80, 84; стб. 818, л. 511–512.

²¹ Семёнов О.В. Верхотурский ям в конце XVI–XVII в.: история возникновения и функционирования // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Вып. 7. Ч. 1. Екатеринбург, 2009. С. 15–28.

²² Архив СПб ИИ РАН, ф. 28, оп. 1, стб. 572, л. 12–16; РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 593, л. 15–16, 123–124.

²³ РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 593, л. 4–6, 20, 22–28.

Незначительное повышение жалованья на фоне падения покупательной способности медных денег и роста цен вряд ли могло серьёзно облегчить положение сибирских ямщиков. С окончанием в 1663 г. денежной реформы они, как и все остальные категории населения страны, должны были понести убытки от осуществлённого казной обмена медной монеты на серебряную. Одновременно отпадала и необходимость в предоставленной прибавке, что соответствовало духу правительственной политики, нацеленной на режим строгой финансовой экономии.

Первыми «прибавочного жалованья» лишились тюменские ямщики. Несмотря на то что формально за ними ещё продолжали числиться повышенные оклады обеспечения, в действительности с 1663/64 г. им выплачивали лишь по 20 руб. на пай²⁴. Осенью 1667 г. в Москве они подали челобитную, сообщая, что выделяемых на ям 1 тыс. руб. катастрофически не хватает, отчего они «в долгах» стоят «на правеже, женишка и детишка свои позакладовали, нужны и бедны и конми опали без остатку». Положение усугубляли хлебный недород и случившийся накануне пожар, из-за которого «многие» проживавшие на посаде ямщики «погорели без остатков». Челобитчики просили выдать им на 1667/68 г. «оклад их сполна». По-видимому, речь шла о восстановлении «прибавочного жалованья». Однако приговором Сибирского приказа (ноябрь 1667 г.) для тюменских ямщиков окончательно устанавливался 20-рублёвый оклад²⁵.

Не позднее 1664/65 г. прибавки были лишены и демьянцы²⁶, хотя и за ними формально она продолжала сохраняться. В мае 1668 г. в Москве получили их челобитную, в которой ямщики «для... бедности и хлебново недороду» просили выдать остаток жалованья за прошлый год и весь его объём за идущий 1667/68 г. По решению руководства Сибирского приказа от 13 июля 1668 г., отныне для них следовало «учинить оклад против прежних лет, как были серебряные денги до медных денег» – по 20 руб.²⁷

До 1663/64 г. включительно увеличенные оклады обеспечения предоставлялись туринским ямщикам²⁸. С 1664/65 г. им ежегодно не доплачивали по 150 руб.²⁹ Летом 1668 г. в Москве они подали челобитную, в которой, обрисовывая тяжесть своего положения, подчёркивали, что гонять за 20 руб. на пай «невозможно», и просили выдать «недодаточное» жалованье за прошлые и текущий годы, а также его полную сумму (1 150 руб.) за следующий 1668/69 г. Ответом стал приговор от 17 июля 1668 г.: насельникам Туринского яма было отказано в компенсации остатка жалованья за прошлые годы. Более того, отныне для них предписывалось «учинить прежней оклад, как ходили серебряные денги до медных» – 1 тыс. руб. на ям³⁰.

Не позднее 1664/65 г. была отменена прибавка к жалованью и для самаровских ямщиков: объём их обеспечения вернули к 20 руб. на каждый пай³¹. Лишь за верхотурскими ямскими охотниками вплоть до конца XVII в. сохранялись установленные в ходе реформы денежные оклады³². Это, впрочем, всё равно не

²⁴ Там же, стб. 817, л. 312, 331; стб. 990, л. 114.

²⁵ Там же, стб. 818, л. 52–54.

²⁶ Там же, стб. 817, л. 1, 2.

²⁷ Там же, стб. 818, л. 510, 511, 513, 514–514 об.

²⁸ Там же, оп. 1, кн. 450, л. 190.

²⁹ Там же, оп. 3, стб. 817, л. 285, 295.

³⁰ Там же, стб. 818, л. 523–524, 529.

³¹ Там же, стб. 817, л. 1, 2.

³² Там же, ф. 1111, оп. 2, стб. 542, л. 86.

делало их службу привлекательной. Не случайно и в дальнейшем они постоянно жаловались на своё тяжёлое положение и разбегались с яма³³.

Таким образом, вследствие финансовых мероприятий 1654–1663 гг. положение сибирских ямщиков ухудшилось. Незначительные уступки, на которые вынуждено было пойти правительство, в целом не могли изменить ситуацию. Удар по благосостоянию ямщиков отрицательно сказывался на качестве отправляемых ими функций. Это, в свою очередь, сдерживало процесс освоения «закаменных» территорий.

³³ Там же, ф. 214, оп. 3, стб. 689, л. 263.

Православный приход в Якутии (XVII – начало XX в.)

Инна Юрганова

Превращение Московского княжества в могущественную евразийскую империю от Балтики до Тихого океана растянулось на несколько столетий и сопровождалось присоединением новых территорий, населённых различными этносами, и последовательным политико-административным освоением новых земель. Очевидно, что каждая территория, включённая в состав Русского государства, имела направленный вектор развития: собственно присоединение (установление русского подданства), постепенную инкорпорацию в структуру государства и ассимиляцию, трактованную как конечная цель¹. По отношению к полиэтничному, иноязычному населению этот процесс, как правило, был многовариантным и протяжённым по времени.

Государство начинало освоение восточных земель, их интеграцию в империю прежде всего политико-административными мероприятиями и военномобилизационными методами. Решение задач экономического и социокультурного освоения новых территорий отодвигалось на второй план, но именно эти решения призваны были в конечном итоге обеспечить выполнение стратегических целей государства – «приращение» новых территорий к России². Территория Якутии расположена в северо-восточной части азиатского континента. В XVII – начале XX в. в состав Якутского уезда (провинции, области) в разное время входили, помимо собственно территории Якутии, также Охотское побережье, Чукотка, Камчатка и часть Иркутской обл., населённые якутами, эвенками (тунгусами), эвенками (ламутами), юкагирами, чукчами, коряками и ительманами (камчадалами).

Ключевой фигурой процесса интеграции в Сибири являлся русский крестьянин-земледелец, который должен был сплотить империю и научить сибирского

© 2014 г. И.И. Юрганова

¹ Российское государство от истоков до XIX века: территория и власть / *Аксенов А.И., Никитин Н.И., Петров Ю.А., Рогожин Н.М., Тревалов В.В.* М., 2012. С. 421.

² *Дамешек И.Л., Дамешек Л.М.* Сибирь в системе имперского регионализма. (1822–1917 гг.). Иркутск, 2009. С. 78, 86, 118.